

ществляет в этой сцене своеобразную манипуляцию сознанием слушателей: после такой характеристики законов все собравшиеся сами просят городничего судить их не по законам, а по своему усмотрению, чего он и добивался.

Во-вторых, градационно-компаративный комплекс позволяет показать эволюцию характеризуемого объекта. В таких случаях сопоставляются разные этапы существования одного и того же предмета или явления.

Например:

Душа черства. И с каждым днем черствей.

– Я гибну. Дай мне руку. Нет ответа.

(Г. Иванов. Душа черства. И с каждым днем черствей...)

В третьих, градационно-компаративный комплекс может отражать изменения в состоянии воспринимающего действительность субъекта, точка зрения которого выражена с помощью сравнения и градации. Например:

А когда Самгин осведомился о Безбедове, она беззвучно сказала:

– В тюрьму посадили.

– Вот как? За что?

– Марину Петровну убил.

Самгин успел освободить из пальто лишь одну руку, другая бессильно опустилась, точно вывихнутая, и пальто соскользнуло

с нее на пол. В полутемной прихожей стало еще темнее, удушливей, Самгин прислонился к стене спиной, пробормотал:

– Позвольте... Что такое? Когда?

(М. Горький. Жизнь Клима Самгина)

Переход от прилагательного **полутемный**, представляющего собой смягченное обозначение признака, к форме сравнительной степени **темнее** передает не реальное изменение освещенности прихожей, а состояние персонажа, потрясенного известием об убийстве.

Таким образом, взаимодействие сравнения и градации реализуется в художественных текстах широко и разнообразно, выступая и как средство реализации авторской картины мира, и как средство передачи состояния персонажа. Во многих случаях сравнительные и градационные отношения, переплетаясь друг с другом, выходят за пределы предложения и охватывают большие участки текста, связывают в единое целое эпизоды, разделенные большим текстовым пространством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1994. 192 с.
2. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 630 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 816 с.

10 июля 2013 г.

УДК 81'367

О СИНТАКСИЧЕСКИ КОДИРУЕМЫХ ПАРАМЕТРАХ СИТУАЦИЙ

Е.Л. Григорьян

Отдельные аспекты заявленной проблемы затрагивались в обширной литературе, посвященной лексическим и аналитическим каузативам (наиболее подробно и системно [1]), исследованиях по падежной грамматике и в работах, посвященных иконичности языковых структур [2] и др., а также в психолингвистических

экспериментах на описание картинок или эпизодов в видеороликах [3]. В данной статье исследуются некоторые аспекты информации, которая находит отражение в синтаксической структуре сообщения и может быть выведена из нее. Проблема, сформулированная таким образом, не рассматривалась в лингвистической литературе. Актуальность темы повы-

Григорьян Елена Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания Южного федерального университета, 344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150, e-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk.

Elena Grigoryan – Ph.D. in Philology, Senior Lecturer of the Department of General and Comparative Linguistics at the Southern Federal University, 150, Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, 3444010, e-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk

шается и в теоретическом плане, и в свете одной из важнейших задач прикладной лингвистики – извлечения информации из текста на естественном языке, компьютерной обработки текста и т.д.

Материал данного исследования взят из художественной литературы (русскоязычной и англоязычной), так как именно этот тип текстов дает наиболее богатый и разнообразный материал.

Будут рассмотрены в первую очередь примеры, реализующие определенные типы диатез: (1) исходные, с подлежащим-агентом при переходном глаголе, типа *Иван открыл дверь (ключом)*; (2) с подлежащим-средством (орудием или актантом сходной семантики) при глаголе действия в форме действительного залога, типа *Ключ открыл дверь*; (3а) страдательные или (3б) декаузативные конструкции, с подлежащим-объектом и, как правило, с изменением залоговой формы глагола, типа *Дверь открылась*. Деагентивные конструкции часто соотносятся с соответствующими агентивными как обозначение фрагмента ситуации с обозначением ситуации в целом. Представляются примечательными те случаи, в которых ситуация действия изображается как последовательность событий, когда действие агенса и воздействие “средства” или изменение объекта представляются как отдельные эпизоды, каждый из которых на синтаксическом уровне выражается структурой простого предложения (клаузой, *clause*).

В принципе любая ситуация действия может быть представлена двумя (на самом деле даже тремя) способами, что отмечается в исследованиях совершенно разного плана и направленности. Так, Ю.С. Степанов, в связи с вопросом о происхождении аккумулятива, рассматривает типовую ситуацию действия как составную, в общем виде включающую звенья *действие агенса* → *изменение объекта* [4]: все переходные конструкции расцениваются в диахроническом плане как результат слияния двух фраз в одну. Добавим, что в более полном виде схема может быть представлена как *воздействие агенса на средство* → *воздействие средства на объект* → *изменение объекта*, причем промежуточных звеньев (“средство”) может быть несколько; кроме того, объект может претерпевать серию изменений. Другой вариант схемы – *воздействие (агенса или иной внешней причины)* → *изменение объекта* → *результатирующее*

состояние объекта – приводится у Крофта как универсальная схема события в виде *cause – become – state*. Это соотносится с идеей [5], что любое событие может быть концептуализировано как каузация, как изменение состояния (становление) или как состояние, что рассматривается как отражение трех этапов любого события.

Мы оставляем за кадром, *во-первых*, примеры простого метонимического переноса, обозначение ситуации через ее фрагмент, *во-вторых*, обозначения ситуаций, в которых агент отсутствует. В фокусе нашего внимания находятся примеры, в которых ситуация действия разбита на два последовательных эпизода, связанных каузальным отношением. Данная работа представляет собой попытку установить, чем обусловлены и что имплицитно подразумевают подобные расчленения и почему им отдано предпочтение перед более компактной (и идиоматичной с точки зрения данного языка) синтаксической репрезентацией. Рассматривается проблема выбора способа синтаксической репрезентации типа: (а) *Он расколол полено* = (б) *Он ударил (топором) по полену. Полено раскололось* = (в) *Он ударил (топором) по полену. Топор расколол полено*.

Как видно по данной иллюстрации, глагольная лексема сохраняется только в последнем звене цепочки. Этому можно дать два объяснения, не исключающие друг друга. В некоторых случаях повтор глагола возможен, но звучит неестественно и, во всяком случае, стилистически малопривлекательно. Кроме того, что не менее важно, глагол в исходной конструкции с агентивным подлежащим отличается не только семой каузативности, но нередко также указывает на способ каузации. В литературе иногда предлагается трактовка глагола в случаях типа (а) как каузатива по отношению к глаголу в случае типа (в), т.е. усматривается другое значение или даже другая лексическая единица; см. обсуждение этих точек зрения в [6, с. 129]. Представляется целесообразным рассматривать различие в семантике глагола как следствие различия ролевой семантики подлежащего, тем более что в данном случае реализуется абсолютно регулярная модель, имеющая всеобщий характер для акциональных глаголов.

1.1. Анализ материала показывает, что подобные варианты различаются не только степенью детализации. Конкретные параметры денотативных ситуаций способствуют данному способу синтаксической репрезентации

ции или, наоборот, блокируют его или делают маловероятным. Конструкции, описывающие ситуацию как простую и целостную или же как составную, “расщепленную” на автономные события, часто содержат дополнительные смысловые импликации, а во многих случаях один из вариантов маловероятен или исключается вовсе. Так, изображение действия как цепочки событий характерно для ситуаций, в которых отсутствует непосредственный контакт между агенсом, средством и объектом; обособление эпизодов усиливается временным разрывом между воздействием и его результатом; ср. следующий пример, относящийся к ситуации, когда некто поджигает дрова, сложенные около стены:

(1) *Если бы не прибежал в ту же минуту хозяин, то дрова, разгоревшись, наверно бы сожгли дом* (Достоевский).

Данная ситуация не может быть описана предложением *преступник сжег бы дом*, так как имеет место пространственный и временной разрыв. Ср. также

(2) *The dark-haired girl behind Winston had begun crying out “Swine! Swine! Swine” and suddenly she picked up a heavy Newspeak dictionary and flung it at the screen. It struck Goldstein’s nose and bounced off; the voice continued inexorably* (Orwell).

1.2. Также является существенным опосредованный характер воздействия, наличие нескольких промежуточных звеньев, с чем может быть связано ослабление контроля или неконтролируемость со стороны фактического каузатора названной цепочки ситуаций. Значительный разрыв такого рода делает невозможным оформление действия как единого и целостного и приписывание его конкретно-му производителю.

(3) *Как раз подскочил извозчик, и я прыгнул в сани.*

– Куда ты? Что ты? – завопил Ламберт в ужаснейшем страхе, хватая меня за шубу.

– И не смей за мной! – вскричал я, – не догоняй! – В этот миг как раз тронул извозчик, и шуба моя вырвалась из рук Ламберта (Достоевский).

Хотя конечная ситуация (шуба вырвалась) вызвана действиями извозчика, она не может быть описана предложением *Извозчик вырвал шубу из рук Ламберта*.

(4) *Он двигал рукоятку вперед, и все цилиндры и валики начинали вертеться в одну сторону* (Куприн).

Невозможно для данной ситуации *он начинал вертеть цилиндры и валики.

(5) *The officer at once pulled the communication cord, and the train was brought to a standstill* (A. Christie).

1.3. Вероятность изображения действия как расщепленного на отдельные события возрастает, если действие агенса представляет собой (намеренную или ненамеренную) каузацию автономного процесса, далее происходящего автоматически, без участия или вмешательства деятеля и, как правило, неконтролируемого, как в примере (1) или в следующих:

(6) *We will go to sleep now...and when we wake up, the kettle will be boiled* (O. Wilde).

В данном случае невозможно ...we shall boil (или have boiled) the kettle, так как результат отделен во времени от воздействия агенса, которое представляет собой каузацию автоматически развивающегося процесса (ситуация: мальчики поставили чайник на костер и легли спать).

(7) *Here Alice wound two or three turns of worsted round the kitten’s neck, just to see how it would look: this led to a scramble, in which the ball rolled down upon the floor, and yards and yards of it got unwound again* (Carroll).

Хотя в конечном счете действия Алисы и сопротивление котенка привели к данному результату, невозможно описать данную ситуацию как *Alice (and the kitten) rolled the ball ...and unwound...

Неконтролируемость является сильным фактором в представлении ситуации как цепочки последовательных событий.

1.4. Ситуации также представляются отдельно, в виде последовательности эпизодов, если результат действия не является однозначно предсказуемым, т.е. либо представляется неожиданным (иногда – как в примере (10) – не соответствующим намерению), либо трудно достижимым; естественно, что в этом случае к результату привлекается большее внимание.

(8) *Антон Петрович тяжело дышал, не мог попасть в замок, руки тряслись. Наконец, дверь открылась* (Набоков).

Ср. *Наконец, он открыл дверь*.

(9) *Take two tablespoons of powdered milk...beat it up into a quarter pint of water, and when this is of a smooth creamy consistency, add one raw egg and beat briskly until it is thoroughly mixed* (G. Durrel).

(10) *She pulls the letter out of the machine so crossly that it tears* (G.B.Shaw).

В приведенных примерах явно выступает неполная зависимость ситуации от агенса, что может быть также интерпретировано как неполный контроль (ср. [7], где ситуации успеха или удаи рассматриваются как случаи ограниченного контроля, так как они связаны с необходимостью приложения усилий).

1.5. Таким образом, изображение ситуации как единой и целостной предполагает достаточную пространственную, временную и каузальную связь между элементами; ослабление этих связей приводит к невозможности объединения соответствующих элементов в одну ситуацию. Это согласуется с многочисленными наблюдениями относительно лексических каузативов, которые, как правило, могут обозначать только непосредственное, прямое воздействие, обычно контролируемое, причем само воздействие и его результат

должны совпадать в пространстве и во времени [8].

Названные параметры взаимосвязаны и, скорее всего, равноправны. В приведенных выше примерах (1) – (10) параметры пространственного разрыва, временного разрыва, опосредованного характера каузации, неконтролируемости или (чаще) ослабленного контроля и каузации автономного процесса, протекающего далее без участия агенса, присутствуют в разных сочетаниях. В полном наборе они представлены только в примере (1), в примерах (6) и (7) представлены все, кроме опосредованного характера каузации, в примере (4) – пространственный разрыв, опосредованное воздействие и каузация автономного процесса, в примере (5) – только пространственный разрыв и опосредованная каузация, в примерах (8) – (10) – только неполный контроль (табл.).

Таблица

Распределение признаков при расщепленном (“цепочечном”) представлении ситуации

Номер примера	Пространств. разрыв	Временной разрыв	Опосред. каузация	Ослабленный контроль	Каузация авт. процесса
1	+	+	+	(+)	+
2	+	(–)	–	?	?
3	+	–	+	+	–
4	+	–	+	–	+
5	+	–	+	–	–
6	+	+	–	+	+
7	+	+	–	+	+
8	–	–	–	+	–
9	–	–	–	+	–
10	–	–	–	+	–

Получается, что ни один из перечисленных признаков не является необходимым, и при этом каждый из них может считаться достаточным для представления действия как последовательности отдельных событий. Не прослеживается никакой иерархии признаков, определяющей предпочтительность какого-либо из прочтений для данного типа структур. Такое положение в целом типично для синтаксической полисемии (ср. [9] применительно к другому материалу).

2.0. Иногда невозможность объединения элементов в одну ситуацию также может быть связана с отклонением от прототипического сценария, т.е. стандартного (типового, стереотипного) представления, имплицитного

глаголом; свертываются до одного кадра, как правило, именно стандартные ситуации. Общеизвестно, что прототипические ситуации вообще, независимо от их сложности, кодируются в языке компактным идиоматичным способом, тогда как нестандартные ситуации требуют более подробной экспликации и закономерно получают более развернутое и более сложное по структуре выражение. Так, предложение *он ударил по полону, полено раскололось* не всегда может быть сведено к *он расколол полено*; последнее маловероятно, если человек ударил по полону ногой. Ср. также следующий пример:

(11) *Любка облокотилась на стол, коса ее перекинулась через плечо* (Чехов).

Вариант *Любка (облокотилась на стол и) перекинула косу через плечо* предполагал бы, скорее всего, что она сделала это рукой, или, возможно, каким-то другим движением, но целенаправленно.

Показательны примеры (12) – (13), описывающие нестандартные ситуации:

(12) *And the old man touched the door with a ring of graved jasper and it opened* (O. Wilde)

Ср. *The old man opened the door*, что воспринималось бы как стандартный способ открывания двери; *the old man opened the door with a ring*, в свою очередь, не может быть интерпретировано вне контекста. Примечательно, что далее в тексте следует *And having opened the little door with his ring...* что возможно только благодаря предшествующему описанию. Тем более необычно и неопорно в более сжатый вариант

(13) *The Emperor touched one of the walls and it opened* (O. Wilde).

В последнем случае замена (**the Emperor opened the wall*) невозможна не только из-за нестандартности способа, но и по причине необычности самой ситуации “*open the wall*”.

Кроме того, в исходной агентивной конструкции тот же глагол, по сравнению с деагентивными конструкциями, не просто имеет дополнительную сему каузативности, но также (в большинстве случаев) подразумевает определенный способ каузации, по крайней мере в прототипическом прочтении. Разумеется, разные глагольные лексемы регламентируют конкретные признаки денокативной ситуации в разной степени жестко, но в целом тенденция именно такова. Стоит, однако, заметить, что в большинстве случаев прототип подразумевает, помимо прочего, непосредственный контакт, а также контроль, что согласуется с закономерностями, отмеченными выше; прототипическое действие, по-видимому, предполагает прямую каузацию, контроль, отсутствие существенного временного разрыва между воздействием и его результатом.

3.0. Хотя до сих пор “компактный” вариант представления ситуации рассматривался как исходный (и для глаголов действия именно такое употребление первично), однако возможности подобной репрезентации на самом деле ограничены, в том числе особенностями конкретного языка, т.е. в первую очередь отсутствием подходящего глагола. Вместе с

тем представляется, что само отсутствие подходящего глагола не случайно и во многих случаях объяснимо именно опосредованным характером воздействия, а также отсутствием контроля. Ср. следующие примеры, казалось бы, изоморфные рассмотренным выше, т.е. представляющие последовательность “действие агенса – изменение объекта”, однако для них подобное объединение на синтаксическом уровне невозможно:

(14) – *Вон!!! – вдруг гаркнул Персиков так страшно, что пианино в гостиной издало звук на тонких клавишах* (М. Булгаков).

(15) *We pushed the plate hastily, and it skidded across the floor into the far corner, the two leopards chasing madly after it* (G. Durrell).

(16) *He slammed the door so that the house quivered* (H.G. Wells).

Во всех приведенных примерах (14) – (16) каузатор не может быть представлен как агенс, а возникшая ситуация как его действие, во всяком случае средствами данного языка.

Анализ “расщепленного” способа представления ситуации позволяет, в свою очередь, обнаружить многие семантические импликации исходной агентивной конструкции, хотя они, как правило, не являются актуальной частью содержания и, судя по всему, обычно не осознаются. Обозначение ситуации как единой и целостной, как уже отмечалось выше, предполагает достаточную пространственную, временную и каузальную связь между элементами, значимым фактором также является контроль; ослабление этих связей приводит к невозможности объединения соответствующих элементов в одну ситуацию.

4.0. В то же время, если акцентируется роль агенса и такие элементы агентивного значения, как намерение, контроль и ответственность, употребляется “сжатый” до одного “кадра” вариант. Возможны примеры, когда действие опосредованное или автономное, с достаточно слабой зависимостью от деятеля, может быть обозначено как единая и простая ситуация, но только в тех случаях, когда актуальна связь деятеля и конечной ситуации (результата), например, в контексте обвинения, как в чеховском “Злоумышленнике”, хотя речь идет о неконтролируемых последствиях с большим разрывом во времени:

(17) – *Не догляди сторож, так ведь поезд мог сойти с рельсов, людей бы убило. Ты бы людей убил!*

Данный пример, помимо прочего, показывает, что выбор говорящего связан с его коммуникативной задачей, акцентированием определенных смыслов, а не только с собственными характеристиками описываемой ситуации.

В следующем примере, указывающем на каузацию автономного процесса при временном разрыве, ситуация тем не менее представляется как целостная – в силу намеренности действия:

(18) *На воротах он велел вылепить две черные мавританские головы с белыми зубами и глазами, постарался обвить окна плющом и стал жить* (Ю. Тынянов).

Автономный процесс – разрастание плюща вокруг окон – показан как реализация намерения.

Актуальность каузальной связи (и связанная с ней ответственность агенса) или наличие намерения представляют собой сильные факторы, позволяющие соединять в простое событие (соответственно, обозначать структурой, реализующей исходную диатезу) ситуации, весьма далекие от прототипических действий по другим параметрам. Таким образом, они представляются особо значимыми признаками действия, и не случайно включаются во многие определения этой категории; нередко типичным действием считается только то, в котором результат совпадает с намерением; см. также [10, с. 201], где только такой случай квалифицируется как действие.

5.0. Итак, способ синтаксического кодирования ситуации во многих случаях указывает на конкретные характеристики обозначаемой реальности. Объединения и разграничения ситуаций, возможности их слияния или дробления на синтаксическом уровне задаются как системой конкретного языка, т.е. наличием или отсутствием подходящего глагола, так и характеристиками самой ситуации, такими как пространственное и временное единство/ разрыв; каузальная связь/ отсутствие или слабость такой связи; соответствие результата намерению/ неожиданность результата; “естественность”/ необходимость приложения усилий; стандартность/ нестандартность ситуации; контролируемость/ неконтролируемость, а также позицией говорящего (или другого наблюдателя), акцентированием определенных аспектов ситуации. Таким образом, характер синтаксической репрезентации может отражать как собственные характери-

стики обозначаемой ситуации, так и способ ее представления.

Что касается соотношения перечисленных признаков, то здесь прослеживаются определенные тенденции, а не жесткое правило: любого из отмеченных (отрицательных) признаков достаточно для представления действия как цепочки отдельных последовательных событий, и вместе с тем ни один из названных признаков не является обязательным (см. табл.). На данном этапе исследования не представляется возможным обнаружить какую-либо явную закономерность, предопределяющую одно или другое из возможных прочтений для соответствующих синтаксических структур. Таким образом, пока еще нет необходимых предпосылок для построения модели, которая позволила бы автоматически извлекать информацию такого рода из текста хотя бы на вероятностной основе. Это может быть задачей другого исследования, перспективы которого пока еще трудно оценить и которое потребует других методов и подходов. В теоретическом же плане итог представляется достаточно значимым, и он может быть уточнен и углублен на материале различных языков и с учетом большего числа факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Dixon R.M.W. A Typology of Causatives: Form, Syntax and Meaning // *Changing Valency: Case studies in transitivity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 30–83.
2. Kirsner R.S. Iconicity and grammatical meaning // *Typological studies in language*. Vol. 6. Iconicity in syntax. Amsterdam: John Benjamins, 1985. P. 249–270.
3. McWhinney B. Starting Points // *Language*. 1977. Vol. 53. № 1. P. 152–168; Sridhar S.N. Cognitive Structures of Language Production: A Crosslinguistic Study // *The Crosslinguistic Study of Sentence Processing*. Cambridge, Cambridge University Press, 1989; Tomlin R. Mapping Conceptual Representations into Linguistic Representation: The Role of Attention in Grammar // *Language and Conceptualization*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 162–189.
4. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 248 с.
5. Croft W. Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information. Chicago and London: University of Chicago Press, 1991. 331 p. P. 269.
6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
7. Thompson L.C. Control in Salish Grammar // *Relational Typology*. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton, 1985. P. 391–428.

8. См., напр.: Shibatani M. The Grammar of Causative Constructions: A Conspect // Syntax and Semantics. Vol. 6. The Grammar of Causative Constructions. N.Y.: Academic Press, 1976. P. 1–40; Cruse D. Some Thoughts on Agentivity // Journal of Linguistics. Vol. 9. № 1. 1973. P. 11–23; Григорян Е.Л. О характере синтаксической полисемии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). По материалам между-

народной конференции “Диалог 2009” (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). М.: РГГУ, 2009. С. 75–79; и др.
9. См.: Григорян Е.П. Указ. соч.
10. Падучева Е.В. Таксономическая категория как параметр лексического значения глагола // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 192–216.

6 августа 2013 г.

УДК 81'373.422

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ СОПРЯЖЕННЫХ КОНЦЕПТОВ “ВЕЛИКОЕ / НИЧТОЖНОЕ” В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ.Г. БАЙРОНА “ДОН ЖУАН”

Н.Б. Боева-Омелечко

Господствующая в лингвистике антропоцентрическая парадигма исследований, пришедшая на смену системоцентрической, предполагает изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием и мышлением, духовно-практической деятельностью. Именно этот принцип обуславливает интерес ученых к понятию языковой картины мира, являющейся результатом переработки информации о среде и человеке, специфически человеческим восприятием мира, зафиксированным в языке [1].

Картина мира тяготеет к принципу бинарности, поскольку бинарная оппозиция – это универсальное средство познания мира, и в описании любой картины мира лежат бинарные оппозиции [2]. В связи с этим актуальной представляется проблема семиосферы *семантически сопряженных*, или, другими словами, семантически пересекающихся, ассоциативно взаимосвязанных пространств, которые Ю.М. Малинович называет “семантически сопряженными категориями бинарной оппозиции” и к которым он относит категории типа “Жизнь и Смерть”, “Добро и Зло”, “Любовь и Ненависть” и т.д. [3].

Весьма важным представляется семантико-синтаксический закон меризма, сформулированный Ю.М. Малиновичем, согласно

которому “сильную” (начальную) позицию в семантически сопряженных категориях занимают представления онтологически более высокого статуса [4]. Используя терминологию Ю.С. Степанова [5], можно сказать, что “сильная” позиция соответствует существующим в сознании концептам, которые неразрывно связаны со своими антиподами *антиконцептами*.

Рассмотренный принцип бинарности находит свое законченное воплощение в языковой бинарной нормативности – антонимии, которая является специфичной не только для определенного народа и его культуры, но и для конкретного индивида [6], в частности, для создателя художественного произведения. Для вербализации сопряженных концептов и антиконцептов авторы используют как системные, так и индивидуально-авторские антонимы.

Создание последних вполне закономерно с учетом того, что концепт с позиций когнитивной лингвистики рассматривается как ментальное образование, включающее понятие в совокупности его парадигматических, синтагматических и этнокультурных ассоциаций [7].

Понятие как ядро концепта вербализуется с помощью слова-имени концепта и его си-

Боева-Омелечко Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Южного федерального университета, 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33, e-mail: samiro-ame@mail.ru, т. 8 (863)2408209.

Natalya Boyeva-Omelechko – Doctor of Philology, professor of the Department of Theory and Practice of the English Language at the Southern Federal University, 33, B. Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344082, e-mail: samiro-ame@mail.ru. ph. +7(863)2408209.